

Новая книга В. Н. Телия — известного в нашей стране и за рубежом специалиста по фразеологии и лексической семантике — посвящена много исследовавшейся, но мало исследованной до сих пор проблеме коннотации. Давно занимаясь проблемами семантики фразеологизмов и связанного значения слова [1], а также проблемами косвенной номинации [2], автор не мог обойти проблему экспрессивно окрашенного сознания (коннотации), неизменно сопровождающего семантику идиом, тропов — дериватов слов и устойчивых выражений различных типов.

Многочисленные специальные работы, содержащие попытки разобраться в феномене коннотации [3], и еще более многочисленные работы, в которых эта проблема рассматривалась попутно, не дали пока сколько-нибудь удовлетворительных ответов на многие вопросы, которые встают при разработке теории коннотации. С выходом книги В. Н. Телия ситуация в этой сфере лингвистики меняется. Автору удалось сделать очень многое в изучении онтологии, формирования и функционирования коннотации в процессах коммуникации и шире — в проявлении места и роли субъективно-модального «наслоения» в семантике языковых сущностей. Не останавливаясь на структуре монографии В. Н. Телия, рассмотрим главное — суть предлагаемой концепции.

В. Н. Телия аргументированно возвращает внимание лингвистической мысли к незаслуженно забытой, хотя далеко еще не исчерпавшей себя проблеме внутренней формы в связи с динамическим аспектом описания коннотации (с. 12, 13, 20, 51, 112, гл. III). Много места уделено в книге и проблеме экспрессивности. Это тоже не случайно: по концепции В. Н. Телия, коннотация всегда экспрессивна (с. 3); другими словами, она и есть выражение экспрессивности (с. 101). Среди вопросов, так или иначе рассматриваемых в данной монографии, можно назвать следующие: типология модальностей, характерных для языковых сущностей, содержащих коннотацию (с. 24—29); специфика оценочного, мотивационного, эмоционального и стилистического «макрокомпонентов» значения, вместе создающих экспрессивный эффект (с. 48 и сл., 56, 63—65, 122); роль этих макрокомпонентов в прагматическом содержании высказываний и текстов (с. 30—31); типология национально-культурных стереотипов, квазистереотипов и символов как мотивирующих коннотацию оснований

(с. 45—47); особенности техники лингво-креативного мышления и его ассоциативных механизмов, рассматриваемых в связи с формированием и функционированием коннотации (с. 90 и др.); типология метафор (с. 80—81); проблемы лексикографического описания коннотации (с. 126 и сл.). По всем этим проблемам, актуальным для современной семантики, В. Н. Телия предлагает оригинальные теоретические решения и практические рекомендации, что делает ее книгу заметным событием в теоретической лингвистике.

Коннотация определяется как семантическая сущность, особый макрокомпонент значения языковых единиц, выражающий эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение говорящего (т. е. субъекта речи) к действительности, на основании чего это значение получает экспрессивную окраску (экспрессивный эффект) (с. 5, 20³ и др.); коннотация является продуктом эмоционально-оценочного восприятия и эмотивного отображения действительности в процессах номинации (с. 21, 56); она всегда оценочна и вместе с тем — эмотивна (с. 36); она содержит в своем составе средства для идентификации субъекта коннотации и субъекта речи (говорящего), поэтому она всегда субъективно ориентирована (с. 34, 39). В этом В. Н. Телия усматривает антропологический аспект коннотации, т. е. соизмеримость картины мира говорящего. Коннотация квалифицирует то, что описано в семантике языковой единицы как класс объектов (денотация) вместе с рациональной оценкой обозначаемого (с. 120), поэтому денотация и оценка всегда предвзвешивают коннотацию (с. 24—25, 37). Фундаментом (мотивирующим основанием) коннотации является внутренняя форма — экспонент тропа или символа, выступающих в качестве стереотипов; на это мотивирующее основание и «наслаивается» эмотивная модальность (согласно концепции В. Н. Телия, она — обязательный компонент коннотации); к последней подключаются и модальности стилистического регистра (с. 48). Именно внутренняя форма является, по мнению автора, связующим звеном между объективным содержанием и его рациональной оценкой — с одной стороны, и субъективной модальностью эмотивного типа — с другой (с. 74—79, 109). Коннотация ассоциативна по природе и presupпозитивна по источникам (с. 92—97). Коннотативная «добавка» не является в экспрессивно окрашенных значениях механистическим приращением: она пе-

реводит эти значения в класс характеризующих (с. 120).

Надстрочная структура коннотации, по мнению автора рецензируемой монографии, включает следующие компоненты: 1) мотивирующее основание (внутренняя форма — ассоциативно-образное представление или форма «внешняя» — некоторая необычность звукоряда), 2) эмотивно-оценочная модальность, занимающая вершинную позицию в структуре коннотации, 3) стилистическая маркированность. Среди формальных примет коннотации В. Н. Телия называет вторичность номинации, переосмысление, осознаваемое по внутренней форме и по нестандартному для «прямого» значения сочетанию, а также необычность для данного языка звукового облика единицы (с. 95).

Предлагаемая концепция коннотации суммативно сформулирована автором следующим образом: «...коннотация — это довольно сложное семантическое построение. Оно состоит из гетерогенных компонентов, подготавливающих экспрессивный эффект посредством отсылки к внутренней форме, интерпретируемой в данной лингвокультурной общности как квазистереотип, посредством личностно-прагматической интерпретации обозначаемого — его одобрения или неодобрения (во всей гамме эмотивных оттенков), образующих содержание иллюкативной модальности, которую мы и считаем смысловой вершинной экспрессивной окраски, а также посредством стилистической маркировки наименования, поскольку оно предстает как не-нейтральное...» (с. 134). Такую модель коннотации можно считать достаточно достоверной. Она является результатом комплексно-целевого подхода с учетом множества данных смежных с лингвистикой наук и точек зрения советских и зарубежных лингвистов, так или иначе связанных с анализом этого сложнейшего объекта лингвистики (см. обширный список литературы на с. 136—142).

Однако вряд ли все моменты данной концепции могут истолковываться однозначно. Так, например, автор приравнивает коннотацию к экспрессивной окраске значения. Эта мысль неоднократно повторяется на протяжении всей книги, равно как и мысль о том, что основной функцией коннотации является «...функция воздействия, непосредственно и неразрывно связанная с прагматикой речи» (с. 21). Наши многолетние штудии этой проблемы показывают, что эмоционально окрашенная лексика (эмотивы) сигнализирует прежде всего о социальном, т. е. кодированном, эмоциональном отношении говорящего к миру. Естественно, что оно выражается в экспрессивной форме, но при этом вовсе не обяза-

тельно преследует цель вызвать определенную поведенческую реакцию реципиента (см. подробнее [3]). Выражение такого отношения может быть просто «выпуском эмоционального пара» говорящего субъекта. В случаях так называемых аффективов типа *Кошмар! Застрепиться и не встать!* и т. п. речь, по нашему мнению, должна идти не о коннотации, а об особом эмотивном значении, которое выражает только сильные эмоции без каких-либо иллюкативных намерений. В этой связи уместно заметить, что коннотация является лишь одним из средств экспрессивизации слова, высказывания, текста. Прагматический эффект, как показывает анализ многообразных речевых актов, достигим не только с помощью коннотации. Видимо, жесткой детерминации между коннотацией и прагматикой нет.

Определяя экспрессивность слова или выражения как выделенность в нем субъективного отношения говорящего к миру в результате наложения эмотивной модальности на оценочную, т. е. признавая экспрессивность фактом языка (с. 110), В. Н. Телия пишет: «...нет экспрессивности вообще вне речи (экспрессивно окрашенные значения как „банк данных“, характерные для определенного словаря, никого не впечатляют и ни к чему не призывают)...» (с. 135). Но если коннотация — это экспрессивная окраска, и если экспрессивности нет вне речи, то как же получается, что «...коннотация, являющаяся принадлежностью лексического значения и напминающая „свернутый“ по смыслу подтекст, имеет определенную, обычно узואуально зафиксированную структуру и правила комбинации элементов?» (с. 135). Ср. собственные примеры автора: *безмозглый* (с. 33), *головорез* (с. 32), *сборище* (с. 60), *горлан*, *документик*, *гразнуля*, *мамуля* (с. 70—71) и мн. др. В книге следовало бы более точно описать механизмы актуализации компонентов коннотации, особенно такого «шифтера», как *говорящий считает, что...*, чтобы пояснить коннотацию «в действии» как актуализацию ее системной организации.

Автор пишет, что сложность построения коннотации «...компенсируется той логической простотой, которая позволяет считать предлагаемую модель коннотации достоверной...» (с. 134). Однако эта простота описывается в целом ряде случаев довольно сложно. Несколько орнаментально выглядят и такие термины, как «экстериоризация» (с. 47), «параметры-ипостаси» (с. 80) и некот. др. 1

Эти, равно как и возможные другие критические замечания, никак не влияют на общую научную ценность монографии В. Н. Телия. Впервые в области лексической и фразеологической семантики

осуществлен анализ сложного семантического феномена, в результате которого с учетом данных психологии, психолингвистики, философии, семасиологии, стилистики и прагматической лингвистики вскрыт механизм формирования коннотации, показана ее онтология, семантическая структура, формальные сигналы, механизмы ее работы и эффект ее применения. Огромный и безупречный иллюстративный материал книги повышает убедительность аргументации выдвигаемых автором идей.

Книга В. Н. Телия ценна также четко выделенной и сформулированной проблематикой дальнейших исследований. В частности, В. Н. Телия обращает внимание на необходимость возвратиться к изучению внутренней формы на материале разных типов лексического значения; исследовать взаимодействие эмотивно-оценочной модальности и стилистической маркированности; описать стилистический статус и стилистическую функцию экспрессивно окрашенной лексики и ее коннотативности; с позиции новых данных о коннотации проанализировать и классифицировать средства и способы формирования и функционирования кон-

нотации в тексте и подтексте. Данным перечнем актуальной проблематики В. Н. Телия как бы направляет интересы лингвистов по руслу не познанного еще в тематике коннотации.

По своей концептуальной значимости монография явно превышает свой объем, и поэтому читатели вправе ожидать от В. Н. Телия специальных книг о метафоре, об экспрессивности и модальности, о которых автором высказано попутно с рассматриваемой проблемой много интересных соображений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1980.
2. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977.
3. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Шаховский В. И.

Bergmane A., Blinkena A. Latviešu rakstības attīstība. Latviešu literārās valodas vēstures pētījumi. Rīga: Zinātne, 1986. 435 lpp.

Бергмане А., Блинкена А. Развитие латышской письменности. Исследования в области истории латышского литературного языка. Рига: Зинатне, 1986. 435 с.

Коллектив Отдела литературного языка Института языка и литературы им. А. Упита АН ЛатвССР под руководством чл.-корр. АН ЛатвССР А. Я. Блинкены в течение более чем двух десятилетий занимается изучением истории латышского литературного языка. В коллективной работе, в отличие от многих других исследований истории литературных языков, рассматриваются явления латышского языка системно по их уровням; она планируется в нескольких книгах. Вышла в свет первая из них — «Развитие латышской письменности», в печати находится вторая — «Развитие морфологической структуры латышского литературного языка».

История латышского литературного языка как самостоятельная отрасль балтийского языкознания сложилась в послевоенные годы. Всесторонне поэтапно изучать историю латышского литературного языка начал А. Озолс¹. В 1961 г. вышла его монография «Язык латышских

народных песен», а в 1965 г. — «Старолатышский письменный язык» (обе книги на латышском языке).

На необходимость разработки истории латышского литературного языка и латышской письменности указывал еще в 1933 г. Я. Эндзелин. Говоря о задачах латышских языковедов, он писал: «И на конец снова надо издать некоторые из старых письменных памятников... и основательно изучать наши первые тексты. В связи с этим необходимо создать и историю латышского письменного языка и орфографии» [1].

В названных монографиях А. Озолс охарактеризовал истоки латышского литературного языка в двух его проявлениях: язык латышских народных песен и так называемый старолатышский письменный язык, создателями которого были главным образом немецкие священники (XVI в. — до середины XIX в.). Развитие элементов языка и письменности в работах А. Озолса прослеживается по хронологическим периодам. Исследование же истории латышского литературного языка языковедами АН ЛатвССР ведется по уровням. История письменности выделена отдельно. При таком подходе конкретные

¹ До него уже было немало исследований в этой области, например, работы А. Биленштейна, К. Мюленбаха, Я. Эндзелина, П. Шмита, Л. Берзиньша, А. Аугсткалнса и др.